

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола.—М., Изд-во АН СССР, 1953. 252 стр.

В нашей лингвистической литературе до сих пор еще не было труда, более или менее полно освещающего систему глагола современного русского языка, притом не только литературного, но и говорив (в книге В. В. Виноградова «Русский язык», как и в первом томе академической грамматики, говорится о современном литературном языке, там имеются лишь некоторые экскурсы в область прошлого, но опять-таки литературного языка). Новая книга акад. С. П. Обнорского восполняет этот пробел и является весьма ценным вкладом в русское языкознание. Ее с интересом и пользой для себя прочтут как зрелые научные работники, занимающиеся русским языком и его историей, так и аспиранты и студенты старших курсов.

По привлекаемому для исследования материалу, по характеру и системе изложения настоящая книга во многом напоминает вышедший ранее капитальный труд того же автора, посвященный именному склонению русского языка¹. Объектом исследования являются в рассматриваемой книге глагольные формы нового русского литературного языка (в основном, с XVIII по XIX в.) и современных русских говоров. В связи с болезнью С. П. Обнорский не смог окончательно подготовить к печати книгу, законченную еще несколько лет тому назад, включить в нее как диалектологические материалы, собранные в последние годы, особенно в процессе подготовки диалектологических атласов различных районов нашего Союза, так и ссылки на материалы и исследования, появившиеся позднее начала 30-х годов XX в. В отдельных случаях для объяснения тех или иных форм в книге делаются экскурсы в область древнерусского языка, а также привлекаются для сравнения материалы других славянских языков.

Коснемся вкратце круга вопросов, рассмотренных в рецензируемой работе. Эти вопросы разрешаются в книге на основе сопоставления фактов, возникших на протяжении двухвекового развития литературного языка, с фактами, наблюдаемыми в говорах.

После небольшого вступления (стр. 5—7), посвященного обзору различных способов классификации глагола, предложенных рядом ученых, начиная с Востокова и кончая Карцевским, следует раздел — «Явления, связанные с основами глаголов» (стр. 8—34). В этом разделе показано все более широкое распространение форм настоящего времени на *-аю* (типа *двигаю, икаю, мурлыкает, чихаю*) и переход, таким образом, этих глаголов в 1 продуктивный класс, все более пополняющийся и за счет других глаголов, ранее входивших в непродуктивные классы.

Здесь же исследуется и вопрос о наличии и отсутствии суффикса *-ну* в основе прошедшего времени глаголов непродуктивного типа на *-нуть*, т. е. отношения типа *взял — взял, гас — гаснул*, а также изменения, касающиеся гласной приметы глагольной основы, т. е. случаи мены *и — ё(е), ё(е) — 'а* после мягкого (или шипящего) согласного, т. е. такие отношения, как *смотреть — смотреть, темнеть — темнеть* и т. д.

В следующем разделе — «Глаголы многократного вида» (стр. 35—58) автор больше всего внимания уделяет не столько собственно многократным глаголам (бесприставочным с суффиксами *-ива, -ыва*), сколько производным приставочным глаголам несовершенного вида, образованным посредством тех же суффиксов *-ива, -ыва* и других параллельных им.

В двух главах — «Залоговые отношения глаголов» (стр. 59—69) и «Областные разновидности возвратной частицы» (стр. 70—88) преимущественно разбираются различные вопросы, касающиеся образования и употребления возвратных форм глагола — как спрягаемых, так и неспрягаемых — с учетом некоторых случаев синтаксического

¹ См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, Л.: вып. 1 — Единственное число — 1927; вып. 2 — Множественное число — 1931.

употребления по говорам этих последних (форм причастий типа *жесененось, отпертость*, деепричастий типа *сломашши, жесенивши* в возвратном значении и т. д.). Разобраны здесь с учетом их географического распространения также и разновидности возвратной частицы со стороны ее звучания.

В главе «О формах настоящего времени» (стр. 89—151) представлено, едва ли удачное, объединение весьма различных вопросов, так или иначе связанных с образованием форм настоящего времени, тем более, что часть этих вопросов рассматривается в других главах. Тут разбираются и вопросы о некоторых суффиксальных образованиях (типа *даваю, требую*), об изменениях, связанных с чередованием гласных, а также и согласных в основе настоящего времени, о соотношении форм с *е*, перешедшим в *о*, с формами без этого перехода (*ведем* и *ведём*), о форме личных окончаний глагола (этот вопрос рассмотрен с различных сторон: качество гласных, согласных в этих окончаниях, наличие и отсутствие на них ударения и т. д.).

В главе «Прошедшее время» (стр. 152—160) наряду с разного рода остаточными формами прошедшего времени рассмотрены и случаи диалектного синтаксического употребления деепричастий и страдательных причастий в соответствии со сказуемым прошедшего времени в литературном языке.

Что касается форм будущего времени, то рассмотрены только случаи употребления иных, чем в литературном языке, вспомогательных глаголов при образовании сложных форм (см. стр. 161).

В главе «Повелительное наклонение» (стр. 162—171) обращается внимание главным образом на соотношение форм с окончанием *и* (ударным и безударным) и без него.

В разделе, посвященном инфинитиву («Неопределенная форма», стр. 172—193), рассмотрена зависимость форм с суффиксами *-ти* и *-ть* от ударения. С. П. Обнорский с полным основанием обращает внимание на более широкое распространение безударного *-ти* именно в сочетаниях *-сти* (*упасти* и т. п.). Тут даны и другие образования инфинитива — формы на *-чи* с восстановлением согласного основы (типа *пекчи*), новообразования со вторичным суффиксом *-ть* (типа *итить*) и т. д.

В двух последних главах книги «Причастия» (стр. 194—212) и «Деепричастия» (стр. 213—234) вновь (как отчасти и выше в разделе, посвященном залоговым отношениям) приводятся случаи, когда невозвратные причастия и деепричастия выступают в значении возвратных. Здесь рассматриваются также возможные в литературном языке случаи употребления причастий настоящего времени (со значением будущего) от глаголов совершенного вида. В этих же главах освещено соотношение форм страдательных причастий на *н* и *т*, не совпадающее в различных говорах, а также различные случаи чередования согласных и говорится об отсутствии его в результате выравнивания основы в формах страдательных причастий. Мы находим здесь данные и о распространении в говорах причастий на *-ций*. Говоря о деепричастиях, автор специально останавливается на границах распространения деепричастий на *-ши*.

Последние страницы книги заняты указателями (разобранных форм и географических названий) и списком цитируемой литературы с расшифровкой сокращений.

Таково в целом содержание рассматриваемых «Очерков», представляющих, как уже было сказано, весьма значительный вклад в русское языкознание. Книга прежде всего ценна обилием фактического материала, тщательно систематизированного и проанализированного. Для ряда явлений более или менее точно определены географические границы их распространения, что имеет большое значение для русской диалектологии. Несмотря на то, что при составлении диалектологических атласов эти границы будут, вероятно, уточнены и исправлены, большей частью пределы распространения явлений, устанавливаемые С. П. Обнорским, являются надежными. Для ряда явлений автором выдвинуты интересные, хотя в некоторых случаях и спорные, объяснения, положительная роль которых в процессе поступательного движения нашей науки неоспорима.

Материал, имеющийся в книге С. П. Обнорского, позволяет более полно, чем раньше, представить себе систему русского глагола в ее современном состоянии. При всем многообразии форм, наблюдающихся по говорам, система эта характеризуется поразительным единством в самых главных своих звеньях. Все основные категории глагола, представленные в литературном языке, мы находим и в говорах. Даже различия в фонетическом облике отдельных из этих категорий не столь значительны; в большинстве же случаев существенной разницы нет и в этом отношении. Если в говорах и наблюдаются те или иные особенности (С. П. Обнорский порой о них сообщает), то это или различия в частных образованиях внутри основных категорий глагола, или же различия в степени распространения соответствующих форм. Так, например, глагольные образования с многократным значением, более распространенные на севере, не являются вполне чуждыми и современному литературному языку, и нельзя утверждать, что они совершенно отсутствуют в южновеликорусских говорах. В пределах единой

категории вида можно отметить по говорам различия в лексическом составе группы одновидовых глаголов.

Различия в глагольной системе, представленные в современных говорах, а также изменения в этой области, относящиеся к разным периодам истории литературного языка, как показывает исследование С. П. Обнорского, касаются, в основном, структуры глагольной основы (тех или иных явлений суффиксации и чередований гласных и согласных), форм личных окончаний и возвратной частицы и т. п. Рассмотрение именно этих особенностей и составляет совершенно законно основное содержание книги. Можно лишь пожалеть, что в ней не сформулированы общие выводы, связанные с характеристикой глагольной системы русского языка в целом (как литературного, так и говоров), и не указанное отличие от глагольной системы других славянских языков; читателю предоставляется самому вывести эту характеристику из весьма обильного и разнообразного материала, содержащегося в книге.

С. П. Обнорский, посвящая свой труд морфологии глагола, т. е. формам словообразования и словоизменения его, стремится ограничиться лишь исследованием структурных средств словообразования и словоизменения, повидимому, относя использование соответствующих средств к области синтаксиса. Не такое ограничение неизбежно приводит к тому, что многие важные и интересные проблемы остаются за пределами исследования. Так, возможно, именно этим объясняется, что такая важная и специфическая для русского языка глагольная категория, как категория вида, осталась специально не рассмотренной, и мы можем судить о ней лишь на основании косвенных данных. В связи с этим встает вопрос, насколько вообще законно исключать из морфологического исследования анализ значения и способов использования рассматриваемых форм. Ведь формы словоизменения выражают именно синтаксические отношения, без исследования которых мы не всегда можем разобраться и в структуре соответствующих форм. В некоторых случаях сам материал приводит автора к необходимости выходить за пределы морфологии и обращаться к синтаксису. Это он делает, например, в разделе, посвященном залоговым отношениям глагола, а также при рассмотрении использования в качестве сказуемого деспричастия и страдательного причастия. Но, например, при рассмотрении сохранившихся по говорам форм давно прошедшего времени значения их и синтаксическое использование совершенно не исследуются. Да и в тех случаях, когда автор обращается к вопросам использования рассматриваемых форм, синтаксическое исследование их не всегда осуществляется с надлежащей полнотой, что мешает достаточно глубоко и отчетливо представить себе систему русского глагола.

Большое значение для понимания исторического развития системы русского глагола имеет вопрос о так называемых глаголах многократного вида. В соответствующем разделе книги, как уже было сказано, рассматриваются в первую очередь не собственно многократные, а производные глаголы несовершенного вида и характерные для них живые и продуктивные средства видообразования. В особенности здесь является интересным распространение нового суффикса *-ива-* (после мягких согласных), *-ыва-* (после твердых согласных), вытесняющего старые средства образования производных глаголов (т. е. суффиксы *-а-*, *-еы-*), а также изменения в чередовании корневого гласного. В том и другом отношении как говоры, так и литературный язык на протяжении двух последних веков дают нам весьма любопытный материал, характеризующий развитие соответствующих явлений. Большой интерес представляет также развитие бесприставочных образований с теми же суффиксами и с теми же явлениями в основе (эти образования и принято называть многократными глаголами, хотя употребляются они не только в значении повторяемости действия). Между тем эти процессы рассмотрены в книге недостаточно, в некоторых же случаях ставятся вопросы, на которые не дается полного ответа.

С. П. Обнорский считает, что при образовании форм на *-ива-*, *-ыва-*, производных от глаголов с корневым *о*, первоначально возникали формы типа *присоеивать*, *унаеживать* и т. п., т. е. формы с корневым *о*, и лишь в дальнейшем в соответствующих образованиях под влиянием старых кратных глаголов типа *прашати* распространяется корневое *а*. «Замена корневого гласного, — пишет С. П. Обнорский, — была обусловлена тенденцией языка к выравниванию (повидимому, здесь опечатка: по смыслу следует читать *выравниванию* или *уровнению*. — П. К.) нового создавшегося типа многократных глаголов с кратными формами старшего типа, в значительном числе пережиточно сохранившимися (сохраняющимися и до настоящего времени) в языке» (стр. 55; разрядка моя. — П. К.). «Наличие первоначального *о* в соответствующих производных глаголах несовершенного вида (как уже было сказано, автор неточно называет их «многократными») выводится автором из наличия *о* в соответствующих корнях в украинском и белорусском языках, а также из преобладания форм с *о* в северо-восточных говорах.

Возникает вопрос, когда началось это воздействие старых кратных основ с суффиксом *-а-* (*-ја*) и не могли ли в говорах в отдельных случаях уже с начала появляться новые формы с корневым *а*. Ведь в известных случаях формы с суффиксом *-ива-* и с суффиксом *-а-* употреблялись параллельно и в древнерусских памятниках, причем

с одним и тем же значением, что указывает на начинающийся процесс вытеснения первыми формами вторых. Ср., например, в Лаврентьевской летописи (в самом начале, в описании обычаев славян) *оумькаху* и тут же рядом в совершенно таком же значении *оумькаху* (л. 4 об.). Во всяком случае процесс распространения форм с корневым *а* начинается еще в древнерусском языке до оформления современных восточнославянских языков — русского, белорусского и украинского. В памятниках XIV в. формы с суффиксом *-ива-*, *-ыва-* еще очень редки. Между тем уже в это время мы встречаем в них корневое *а*. Сам С. П. Обнорский приводит пример из Новгородской летописи по синодальному списку — *провазиивати* (см. стр. 54, прим. 2). Пример этот в форме *провазиивати* (супин) имеется под 1215 г. Возможно, это даже конец XIII в. Формы с *а* мы находим и в «Поучении Владимира Мономаха» (ср., например, *оуганива*, Лавр, л. 82 об.), которое вообще содержит довольно большое количество образований на *-ива* (*-ыва*). Между тем подлинник «Поучения» относится к более раннему времени, чем Лаврентьевская летопись, в составе которой оно дошло до нас, и в нем много отличий от других частей летописи, причем именно в сторону живого языка. Все это говорит о том, что формы с *а* проникали еще раньше XIV в. Возможно, что процесс этот в различной степени характеризовал уже разные древнерусские говоры.

Вместе с тем надо иметь в виду, что старые кратные основы довольно рано подвергаются по говорам выравниванию и в них проникает корневое *о*. Ср., например, такие формы, как *пологахути* (Переяславское евангелие. 1354 г.). Распространение *а* в формах на *-ива-* (*-ыва-*) должно было в таком случае иметь место раньше, чем появление *о* при аналогическом выравнивании гласного в старых кратных основах.

С. П. Обнорский приводит большое количество диалектных примеров от соответствующих глаголов как с *о*, так и с *а*, причем делает, как уже сказано, вывод, что в целом формы с *о* больше распространены на севере. Однако и на севере мы встречаем не мало форм с *а*, и примеры с *а*, приводимые С. П. Обнорским, могли бы быть умножены. В связи с этим возникает вопрос об источнике форм с корневым *о* в соответствии с современным *а*, характерных для литературного языка XVIII и начала XIX в. — *обработывать*, *оспоривать* и т. п. (С. П. Обнорский такие формы приводит). Являются ли эти формы по происхождению северновеликорусскими (ведь наш новый литературный язык на первых порах включал значительно больше северных элементов, чем впоследствии) или же они представляют собой контаминацию книжных и живых элементов, т. е. в них отсутствует корневое *а* (чередующееся с *о*), поскольку церковнославянскому языку (как и старославянскому) были чужды образования на *-ива-* (*-ыва-*)?

Следовало специально поставить вопрос о борьбе форм на *-ива-* (*-ыва-*) и параллельных им древних образований на *-а-*, имевшей место во время развития нашего литературного языка. Ведь несмотря на то, что новым, живым и продуктивным средством являются образования на *-ива-* (*-ыва-*), в некоторых случаях у нас утвердился образования на *-а-*. Так, например, в старинном литературном языке была распространена такая форма, как *посылывать* (мы находим различные образования ее, например, у Котошихина), в современном же языке утвердилась форма *посылать*.

Наконец, как уже было сказано, хотя рассматриваемый раздел и носит название «Глаголы многократного вида», собственно вопрос о многократных глаголах здесь почти не затронут, поскольку бесприставочные образования на *-ива-* (*-ыва-*), а также некоторые другие рассмотрены недостаточно. Образования эти сравнительно поздние. По памятникам они встречаются в единичных случаях в XIV в., изредка в XV в. и широко представлены в XVI—XVII вв., а также в литературном языке XVIII в. На протяжении XIX в. они в нем убывают, в советской же литературе до известной степени вновь оживают, хотя никогда не достигают той употребительности, которая была им свойственна в XVIII и отчасти в начале XIX в. По говорам они сохранились и в настоящее время, но распространены неравномерно. Широко представленные в северновеликорусских говорах, по крайней мере в их северной части, они почти совершенно отсутствуют в южновеликорусских говорах. Судьба этих образований в различные периоды истории нашего современного литературного языка представляет большой интерес как в связи с вопросом о диалектной основе этого языка, так и в связи с вопросом о соотношении книжных и живых элементов в нем.

Из частных вопросов, связанных с этими образованиями, следовало бы остановиться, во-первых, на их употреблении (как в памятниках, так и в говорах почти исключительно в прошедшем времени с особым временным значением и в инфинитиве с отрицанием; отступление от этого представляют, кажется, лишь фольклорные тексты), а во-вторых, опять-таки на чередовании корневого гласного. Интересно, что наиболее ранние зафиксированные образования этого типа, производные от глаголов с корневым *о*, содержат в корне *а*: ср. не *каничвати* в договорной грамоте Дмитрия Донского с князем Серпуховским и Боровским Владимиром Андреевичем 1389 г. Следует заметить, что грамота эта московская, а московские грамоты XIV в. явно обнаруживают северную, суздальскую диалектную основу. Корневое *а* в таких образованиях становится и является впоследствии нормой для московского письменного языка. Ср. даже в переводе

грамматики Доната у Дмитрия Толмача, написанном вообще на церковнославянском, а не на русском языке того времени (подлинник первой половины XVI в., дошедшие до нас списки второй половины XVI в.), такие формы, как *хачива* (от *хотѣти*). В свете этих фактов снова встает вопрос о приведенных уже формах с *о* из литературного языка XVIII и начала XIX в.

Прежде чем перейти к другим вопросам, следует остановиться на некоторых объяснениях рассматриваемых явлений, которые предлагает С. П. Обнорский. При разборе различных диалектных вариантов возвратной частицы автор останавливается, между прочим, на характерной для части северновеликорусских говоров её форме *-се* (см. стр. 85).

С. П. Обнорский, возражая Колосову, выводившему *се* из *ся*, отрицает возможности фонетического объяснения представленного в данном случае изменения $a > e$. Он считает происхождение частицы *се* непонятным, допуская с некоторым сомнением влияние возвратного местоимения *себе*. Не решая вопроса о происхождении указанной частицы, считаю необходимым сказать, что объяснение *е* из *а* фонетическим путем не может считаться совершенно необоснованным. Фонетические явления конца слова вообще представляют большие трудности для объяснения, поскольку конец слова большей частью содержит какие-то морфологические элементы. Между тем изменение в безударном положении *а* после мягких согласных в северных говорах вообще возможно даже в положении перед твердыми согласными. Так, например, мы находим это изменение, в частности, в первом предударном слоге именно в тех северных говорах, где распространена возвратная частица в форме *-се*. Кроме того, С. П. Обнорский не говорит о другой возможности (и не высказывает своего отношения к ней), которая указана Б. Гавранком в его монографии, посвященной залогам глагола в славянских языках. Эта возможность — развитие данной северновеликорусской формы (равно, как и соответствующей белорусской) из общеславянского **se*, являвшегося энклитическим вариантом к ударному **se*, подобно тому как в древнеиндийском языке энклитический вариант *mā* выступает без конечного носового согласного в параллель к ударному варианту *mām*¹. Следует заметить, что на работу Гавранка у С. П. Обнорского вообще нет ссылок, хотя первый том ее вышел еще в 1928 г. Что касается до форм, восходящих к *те*, *те*, *se*, то они лишь впоследствии получили в славянских языках значение энклитических, первоначально же выступали как ударенные².

В разделе, посвященном формам настоящего времени, спорным является объяснение развития форм типа *точишь* вместо *тачишь*, которые С. П. Обнорский связывает с диссимилятивным аканьем, поскольку они наблюдаются главным образом в соответствующих говорах. Этой связью и объясняется, по его мнению, тот факт, что указанные формы наблюдаются лишь у глаголов с основой на *-i-*, но их нет, например, у таких глаголов, как *пазати*. Инфинитив последних содержал в корне *з*, вследствие чего и не было стимула для развития корневого *о* на месте старого *а*. Формы с *а* на месте *о* (типа *лавишь*) являются, по мнению С. П. Обнорского, позднейшими и вызванными формами типа *точишь*; они распространены вообще в акающих говорах, но не исключительно в диссимилятивно акающих. В результате развития таких форм появляются и обратные новообразования типа *красим* вместо *красим* (стр. 99).

Формы с *о* вместо этимологического *а*, даже если отбросить распространение их на части окающей территории, не обнаруживают связи именно с диссимилятивным аканьем, хотя С. П. Обнорский отмечает лишь особенное изобилие форм с *о*, а не постоянное распространение их в говорах с диссимилятивным аканьем. Однако об относительной частоте тех или иных форм еще трудно судить на основе тех далеко не полных источников, которыми пользовался С. П. Обнорский; можно лишь фиксировать наличие соответствующих форм. И даже в том случае, если территория более широкого распространения соответствующих форм совпадает с территорией диссимилятивного аканья, должен быть поставлен вопрос, свидетельствует ли это совпадение о генетической связи явлений. Непонятно, почему формы типа *пзати* могли восприниматься происхождению *о* в формы настоящего времени. Ведь *з* в первом предударном слоге в диссимилятивно акающих говорах развивался как из *а*, так и из *о*; *о* не указывает на то, какой звук здесь должен был быть этимологическим, а сменяет этимологическое *а* (как и *а* в других глаголах сменяет этимологическое *о*) нефонетическим путем. Причина этой смены лежит скорее в другом. Отметим, что она широко представлена в тех глаголах, где исконным было постоянное ударение на окончаниях и где этимологические *о* и *а* вообще первоначально не выступали под ударением. При развитии же нового подвижного типа ударения, которое имело место именно на почве южновеликорусских говоров, *о* и *а* развиваются под ударением частью вне зависимости от этимологии. Так, устанавливается, например, *вѣришь* в соответствии со старыми *варѣти*, *варѣу*, *варѣшь*. И по-

¹ См. В. Наврăнек, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I, Praha, 1928, стр. 78—79.

² См. А. Мейе, *Общеславянский язык* [перевод с французского], М., 1951, стр. 364—365.

тому-то и не развилась форма *пошешь*, что здесь издавна был подвижной тип и было *pāšiesъ* с ударным *a* (ср. серб. *pāzati* — *pāšiemъ*). Наконец, следует сказать, что нет достаточных оснований к тому, чтобы считать формы типа *лавишь* (т. е. с ударным *a* вместо этимологического *o*) позднейшими по отношению к типу с *o* вместо этимологического *a*.

Сомнительной представляется и предполагаемая С. П. Обнорским генетическая связь между сохранением *e* в личных окончаниях настоящего времени I спряжения и диссимплативным аканьем (см. стр. 106).

Не вполне ясно, как следует понимать, что формы 3-го лица глагола без *t* «не менее древни в русском языке, чем формы с *...t*» (стр. 133). Идет ли речь в данном случае о русском языке начиная с эпохи древнейших памятников, или о русском (восточнославянском) языке начиная с момента выделения его из общеславянского языка-основы? Или же С. П. Обнорский предполагает, что в ряде случаев форм без *-t* вообще никогда не было? Но последнее предположение вообще было бы непонятно. Вызывают также известные сомнения соображения о первоначальном семантическом разграничении форм с *t* и без *t*. Соответствующее место книги С. П. Обнорского подверглось довольно подробному разбору (сравнительно с другими местами) в рецензии на эту книгу Т. П. Ломтева¹. Однако сам Т. П. Ломтев не рассматривает поставленный им вопрос до конца, и его рассуждения в свою очередь возбуждают много вопросов. Он указывает на то, что в восточнославянских языках неизвестны возвратные формы без *-t* (даже в тех языках и диалектах, где формы без *-t* вообще распространены). Чем это может объясняться? Если предположить, что имело место отпадение конечного *t* и что оно осуществилось уже после агглютинации возвратного местоимения, значит, это отпадение имело место очень поздно. А нам известны формы без *t* уже в древнейших памятниках.

Возможно, что формы без *t* образуют два различные в историческом отношении слоя: древний, еще частью на общеславянской почве, возможно, представляющий собой результат воздействия форм с вторичными окончаниями на формы с первичными окончаниями, и позднейший, осуществляющийся по говорам в сравнительно недавнее время. Это позднейшее отпадение могло быть связано с редукцией, ослаблением конечного согласного, особенно перед паузой. Следует заметить, что в некоторых говорах конечное *-t* произносится без взрыва, слышится очень слабо, вследствие чего формы с *-t* и без *-t* даже трудно различимы на слух.

Непонятно, почему С. П. Обнорский связывает наблюдающиеся в некоторых северных говорах формы с *e* наряду с *o* в тех же условиях с закрытостью слога, на основании чего и формы с конечным *-e* в 3-м лице ед. числа типа *иде, жеге* он считает восходящими к формам с конечным *-m* (см. стр. 108—109). В закрытом слоге, напротив, скорее мы ожидали бы *o*, а не *e*, поскольку после него чаще идет твердый согласный (исконный или рано отвердевший).

Очень существенный вопрос — это вопрос о фонетической основе морфологических явлений. В некоторых случаях такая основа несомненна. Но в части случаев фонетические объяснения, предлагаемые С. П. Обнорским, вызывают известные возражения. Таково фонетическое объяснение происхождения причастных форм на *-миш*. Морфологическое объяснение (под воздействием старой причастной формы *възъмѣши*) не удовлетворяет С. П. Обнорского. Он считает, что если бы форма на *-миш* возникла под воздействием этого причастия, в настоящее время шире бы сохранилась исходная форма *възъмѣши*. По его мнению (см. стр. 230—232), эта форма является, возможно, результатом фонетического изменения («фонетическим продуктом», как он выражается), происшедшего в говорах, которые имели *ѣ* в соответствии с *e*. По каким-то причинам фонетического характера губной спирант в этой форме оказался замещенным губным же взрывным звуком носовой артикуляции. Гипотеза эта представляется мало вероятной. Автор не обосновывает сколько-нибудь убедительно предполагаемого им изменения, которое к тому же охватывает лишь одну форму. Следует заметить, что фонетическое изменение фриктивного согласного (тем более неслогового гласного, каким является *ѣ*) во взрывный вообще явление редкое; обычно мы наблюдаем обратную картину — изменение взрывного согласного в фриктивный в результате ослабления артикуляции. Кроме того, нельзя сказать, что распространение формы на *-миш* совпадает с изменением *e > ѣ* перед согласными. Эта форма широко распространена между прочим в Московской области, а также в южной части северновеликорусского наречия (в говорах владимирско-повожежской группы). Изменения же *e > ѣ* на этой территории, по крайней мере в большинстве говоров, нет; *e* на этой территории рано приняло губнозубной характер, на что указывают древние московские и ростово-суздальские памятники, не знающие мены *y/e*. Если взять вологодские говоры, знающие изменение *e > ѣ* перед согласным, то, как показывают материалы, приводимые самим С. П. Обнорским, там формы на *-миш* употребляются изредка и лишь от отдельных глаголов (главным образом от *взять* — *възъмѣши*, что и понятно), и обычно наряду с формами на *-вши* (в одном и том же говоре).

¹ «Р. яз. в шк.», 1954, № 5.

С. П. Обнорский указывает, что формы типа *взёмши* чрезвычайно редки; в связи с этим следует указать на приводимые самим же Обнорским формы на *-омши* и от других глаголов, встречающихся в говорах: *получомши, спросёмши, молотёмши*.

Наблюдающиеся в северо-западных говорах формы деепричастий на *-лиш* (типа *пришолши, поелши*) С. П. Обнорский связывает с изменением *в* и *л* в *ѣ*. Он считает, что формы эти принадлежат исключительно диалектам, знавшим изменение *л > ѣ* перед согласными. Но эти формы допускают и иное объяснение. Они наблюдаются в части тех говоров, где широко распространено употребление деепричастия прошедшего времени в качестве сказуемого в особом, а именно перфектном, временном значении. В этих же говорах в качестве сказуемого могли употребляться (в значении обычного прошедшего времени) и формы на *-л*. В процессе употребления формы деепричастий на *-лиш* и формы прошедшего времени на *-л* могли в ряде случаев соприкасаться, в результате чего возникала контаминированная форма на *-лиш*.

Заслуживает внимания предположение об отвердении согласного в возвратной частице первоначально в зависимости от предшествующего твердого согласного, прежде всего *-л* в прошедшем времени и *т* в 3-ем лице настоящего времени (см. стр. 72, 78, 82). Впрочем это предположение высказывалось и до появления настоящей книги¹.

Как уже было сказано, в книге уделено большое внимание географическому распространению рассматриваемых явлений. Некоторые из этих соображений требуют, однако, поправок и уточнений. По поводу страдательно-безличного оборота и близких к нему по значению случаев употребления деепричастия на *-лиш* в качестве сказуемого С. П. Обнорский замечает, что территории их распространения почти полностью совпадают (см. стр. 159). Данное утверждение неточно; об этом свидетельствуют и материалы, использованные С. П. Обнорским, которые показывают, что в некоторых говорах оба эти оборота сосуществуют, большей же частью они представлены в разных говорах. Употребление деепричастия в качестве сказуемого наблюдается в западной части северновеликорусского наречия, а также на юге, в области южновеликорусского наречия, оборот же страдательно-безличный в большей степени распространен в восточной части северновеликорусского наречия. В материалах атласа северо-западных говоров во всех без исключения исследованных пунктах мы находим деепричастия в качестве сказуемого, но далеко не везде, судя по этим материалам, имеется страдательно-безличный оборот. По старым данным это явление считалось специфически северным, в программа Московской диалектологической комиссии для южновеликорусских говоров его не предусматривала. Но и старые материалы приводили к мысли о том, что, возможно, указанное явление распространяется и на юг. Материалы, собранные в последние годы, подтверждают подобное предположение.

Некоторые весьма интересные факты, относящиеся к морфологии глагола, остались в рецензируемой работе совсем не рассмотренными, некоторые же хотя и затронуты, но изучены недостаточно. Как уже говорилось, совершенно не исследованы (и в говорах, и в литературном языке) многократные (бесприставочные) образования, выступающие как в говорах, так и в литературном языке (особенно старинном — XVIII и начала XIX в.) также и в значении особого давнопрошедшего времени².

Не рассмотрено весьма интересное явление, характерное для некоторых говоров северо-запада. Оно заключается в том, что в основе глагола появляется задненебное *ж* в соответствии с *ш* других говоров и литературного языка, т. е. возникают формы типа *воложовѣть* (ср. *голос*), *опойжовѣть* (ср. *пояс*), *мехѣть* (вместо *мешать*) и т. д. Правда, эти формы обнаружены главным образом в последние годы в процессе собирания материала для атласа северо-западных говоров, но некоторые указания на них имеются и в более ранней литературе, например в статье В. И. Чернышева³.

Система ударения в глаголе в целом осталась в рецензируемой работе не рассмотренной; имеются по данному вопросу лишь некоторые разрозненные замечания. Между тем эта область представляет большой интерес как в отношении говоров, так и литературного языка. Ударение в глаголе (как, впрочем, и в имени) различно для северновеликорусских и южновеликорусских говоров; определенные изменения наблюдаются и в развитии литературного языка, начиная с XVIII в.: в литературном языке все больше распространяются новообразования, идущие из южных говоров.

Следовало обратить внимание на утрату в некоторых говорах согласования в страдательном причастии, т. е. на развитие из страдательного причастия новой неизменяемой формы, подобной деепричастию. Этот вопрос лишь слегка затронут в работе в связи с рассмотрением страдательно-безличного оборота. Между тем отсутствие согласования наблюдается порой и в страдательно-личном обороте (ср. *сено сежено*). При рассмотрении же страдательно-безличного оборота следовало специально обратить вни-

¹ Ср. В. Навгапек, указ. соч., стр. 42.

² Об этих образованиях в литературном языке см. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 545—549.

³ См. В. Чернышев, Говор Пушкинского района, сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936.

мание на образование в говорах, знающих этот оборот, страдательных причастий от непереходных глаголов и на возможность переходного значения страдательных причастий, образованных от переходных глаголов (ср., с одной стороны, *уехано*, а, с другой, *у волков корову їдено*).

Недостаточно уделено внимание при рассмотрении форм литературного языка, а в некоторых случаях и диалектных, вопросам стилистического использования соответствующих форм книжного, церковнославянского происхождения. Во многих случаях необходимо поставить вопрос, является ли та или иная форма живой в данную эпоху или же она обусловлена жанром и стилем и идет от книжной традиции. При этом нужно иметь в виду, что соотношения живого разговорного языка и книжной традиции как для разных жанров, так и для разных эпох развития нашего литературного языка весьма различны. Автор же в некоторых случаях не делает должного разграничения между теми и другими формами, рассматривая их как бы в одном плане.

На стр. 117 автор лишь констатирует, что «редкие экземпляры» «старых форм» 2-го лица единственного числа на *-ши* встречаются в стихотворной речи XVIII в., но не обращает внимания на то, что для данного времени указанные формы не просто являются остатками старины (если признать — что вообще является не вполне установленным — эти формы характерными и для живого древнерусского языка), но идут из церковнославянского языка.

При рассмотрении причастий (стр. 204) также следовало бы больше обратить внимания на то, какие черты их восходят к церковнославянскому источнику, а какие идут из живой речи. Так, например, случаи утраты в страдательных причастиях прошедшего времени, образованных от глаголов с основой на губные, эпентетического *л* (*ушибена* вместо *ушиблена* и т. п.) могут идти из старославянского языка (ср. *благословен*), с другой же стороны, они могут быть и диалектного происхождения; в различии тех и других форм необходимо разобраться.

Приведем еще несколько мелких замечаний.

На стр. 35 при разборе глаголов на *-ива*, *-ыва* автор указывает на последние как на чисто русские образования, которым в древнеболгарском соответствуют иные, например: *ходити* — *хаждати*, *летѣти* — *лѣтати*, *просити* — *прашати*. Следует сказать, что, во-первых, образование *хаждати* развивается на болгарской почве сравнительно поздно, оно отсутствует в основных древнеболгарских памятниках, во-вторых, отношение *летѣти* — *лѣтати* свойственно было и древнерусскому языку, о чем сам же автор в другом месте и говорит, сохранилось оно и в современных русских говорах, причем в некоторых говорах, различающихся рефлексом *е* и *ѣ* в предударном положении, *летать* отражает в корне *ѣ*, а не *е*.

На стр. 59 говорится, что памятники едва ли не до XVI в. дают нам факты подвижного употребления *-ся* при глаголе. Однако можно указать и на памятники XVII в. с подвижным *-ся*.

На стр. 65 приводятся случаи диалектного употребления возвратной частицы *-ся* при страдательных причастиях (типа *жененось* и т. п.). Следовало сказать, что возвратная частица выступает лишь при страдательном причастии, являющемся сказуемым страдательно-безличного оборота, причем чаще всего при взаимном значении, хотя ее употребление возможно и при просто непереходном значении.

На стр. 72 почему-то автор котласскую запись *стелѣцце* считает неточным графическим изображением.

На стр. 94 какой-то недосмотр или опечатка: говорится о замене в глаголах с подвижным ударением корневого *о* через *а*; приводимые примеры представляют преимущественно замену этимологического *а* через *о*, и лишь дальше идут примеры с *а* вместо этимологического *о*.

На стр. 106, рассматривая сохранение *е* без перехода в *о* в личных формах настоящего времени в некоторых рязанских говорах, автор указывает на то, что в соответствующих говорах отражается *е* и в иной лексике. Следует сказать, что эти данные неточны и соответствующие говоры вообще не отражают изменения *е* в *о* как фонетического явления.

На стр. 113, прим. 1, форма *кормѹ* вместо *кормѹ* («кормлю») разъясняется как результат диссимилиации. Такая диссимилиация (изменение мягкого согласного после мягкого в твердый) весьма сомнительна.

На стр. 118 говорится о мягком *-т* в 3-м лице множественного числа в северных говорах (например, *ведутъ*). Следовало бы добавить, что речь здесь идет специально о глаголах I спряжения.

На стр. 152 форма *рек*, частая в поэзии начала XIX в., рассматривается как долгая других сохранившаяся форма аориста. Но здесь скорее старый перфект, перешедший в обычное прошедшее время, архаический лишь по корню, с закономерной утратой конечного *л* после согласного. Простого аориста с огласовкой корня *е* мы не находим уже в древнейших памятниках, как русских, так и старославянских.

На стр. 156 значение деепричастия, употребляемого в говорах в качестве сказуемого, определено как «качественное состояние, в котором предмет находится в данный

момент». Н. Н. Дурново указывал на соответствие этой формы по значению старому перфекту¹.

На стр. 194 (в самом начале раздела «Причастия») говорится, что «причастия в русском языке — категория, обязанная воздействию на книжный русский язык древнеболгарского языка». Обо всех причастиях этого сказать нельзя. Краткие страдательные причастия сохранялись как живая категория разговорной речи на всем протяжении истории русского языка, вплоть до настоящего времени.

На стр. 195 автор особо останавливается на причастии *падущий* от глагола *пасть* и с полным основанием указывает на возможность употребления этого глагола в прошлом в значении несовершенного вида. Можно было бы, помимо приводимых здесь соображений, сослаться еще на старое причастие настоящего времени (в русской форме), ставшее в современном языке прилагательным — *падучий* (например, в сочетаниях *падучая болезнь, падучая звезда*)².

На стр. 201, в дополнение к перечисляемым прилагательным с суффиксом *-м-*, по происхождению являющимися страдательными причастиями (и, таким образом, служащим подтверждением того, что и живому древнерусскому языку были свойственны различные категории причастий), можно было бы привести широко распространенное в древнерусском языке *орамы* и т. п.³. В некоторых частях книга производит впечатление недоработанности. Этим, возможно, объясняется и отсутствие в ней ряда важных разделов, о чем говорилось выше. Видимо, болезнь последних лет помешала автору сдать работу в печать в том виде, в каком он сам хотел бы ее видеть.

Можно сделать, наконец, и упрек типографии. Книга печаталась в ленинградской академической типографии, и мы ожидали бы более строгого сохранения всех транскрипционных обозначений. Например, на стр. 167 и 168 неточно переданы сербские примеры: *крѣсти* вместо *крѣсти*, *рушити* вместо *рушити*.

Хотя книга в целом и не включает, как уже было сказано, результаты исследований последних лет, тем не менее в ней представлен обширный конкретный материал, тщательно систематизированный и проанализированный и сопровождаемый многими весьма интересными, хотя местами и спорными теоретическими обобщениями. Труд С. П. Обнорского, несомненно, явится настоящей книгой любого лингвиста, занимающегося изучением современного состояния морфологического строя русского языка и его исторической морфологией.

П. С. Кузнецов

Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954. 263 стр⁴.

Перевод книги современного китайского языковеда Ван Ляо-и (Ван Ли) «Основы китайской грамматики» представляет большой интерес для советского читателя. Китайские ученые много сделали в области изучения своего родного языка. Их грамматические теории во многом оригинальны и часто не совпадают с представлениями, распространенными в западноевропейском и русском языкознании. Взгляды китайских языковедов по отдельным вопросам китайской грамматики несомненно оказали определенное влияние на советское Китаеведение; некоторые грамматические термины классической китайской филологии («полные», т. е. знаменательные, и «пустые», т. е. служебные, слова) вошли во многие работы по общему языкознанию. Однако перевод работы проф. Ван Ляо-и является первой книгой на русском языке, дающей более или менее полное представление о всех основных вопросах китайской грамматики с точки зрения ученого-китайца.

Книга проф. Ван Ляо-и рассчитана на неподготовленного читателя, знающего китайский язык как родной, но не занимавшегося его теоретическим изучением. Автор включил в нее преимущественно те положения, которые он считал бесспорными и наиболее важными. Надо отметить, что очень многие существенные особенности грам-

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 337.

² Ср. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Варшава, 1895, стр. 171.

³ Ср. В. Навгапек, Genera verbi..., II, Praha, 1937, стр. 58.

⁴ Перевод с китайского Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня, предисл. А. А. Драгунова и Л. Д. Позднеевой, примеч. А. А. Драгунова. Первое издание книги Ван Ляо-и в Китае вышло в 1946 г.; перевод сделан с 4-го стереотипного издания (Ван Ляо-и, Чжунго юйфа ганъяо, Пекин, 1951).